

- Сергей Куреев -

ЛЮДИ ИДУТ
ПО ДОРОГЕ

16+

Сергей Киреев
Люди идут по дороге

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Киреев С. В.

Люди идут по дороге / С. В. Киреев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

"Люди идут по дороге" - сборник песен и стихов московского поэта Сергея Киреева (р.1956). В сборник включены песни и стихи, рассказывающие о событиях разных лет из жизни автора и его друзей и коллег. Также в сборник входят разделы, посвященные русской жизни прошлых веков, современному спорту и современному бизнесу. Книга издана в 2018 г. в издательстве "Скифия" (Санкт-Петербург, тираж 1000 экз.) и продается в интернет-магазинах. Концепция дизайна обложки - С.Киреев, фотоматериал - Л.Кикоть.

Содержание

Предисловие	6
Раздел I	7
«Помнишь, как влюбилась ты в юного спортсмена...»	8
«Дорогая Смирнова Надюха...»	12
Прощание	24
«Он вошёл – живот вперёд...»	26
«А в облако месяц вонзился, как бивень моржовый...»	28
Так я стал поэтом	29
«Он огонь умел глотать, он об стёкла спички чиркал...»	35
«Били в рельсу, вставал затемно, пониманье имел смолоду...»	36
«Меня советский строй, как молот стопудовый...»	37
«Люди едут в далёкие дали...»	39
«Мне любые дела по плечу...»	40
«Он тащится чуть не волоком...»	41
Песнь о любви и труде	43
«Коромыслом нынче дым...»	73
«Скучно ей, одиноко жить в рыбацком посёлке...»	74
«Я вернулся в этот двор...»	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Предисловие

Здравствуй, читатель, перед тобой моя вторая книга песен и стихов. Первую, «Возле Чистых прудов», ты, надеюсь, прочитал или вскоре прочтёшь, и представление об авторе у тебя окончательно сформируется – «твой», «не твой», надо, не надо его читать, и т. д.

Коротко о том, кто я такой, чем занимался:

Родился 1 апреля 1956 г. в Томске, с 1957 г. живу в Москве.

В 1973 г. окончил математическую школу и поступил в Московский авиационный институт, через год бросил, пошёл работать в совхоз разнорабочим – пас коров, грузил мешки, копал, чинил, сено в стога складывал – уму-разуму, короче, учился.

Осенью 1974 г. работал грузчиком на Краснопресненской плодоовощной базе, с ноября 1974 до ноября 1976 служил в армии на Плесецком космодроме. После демобилизации работал на стройке жилых домов в Москве. С 1977 г. по 1981 г. учился на следователя в Московской Высшей школе МВД СССР, затем шесть лет работал следователем в разных районах Москвы – расследовал кражи, грабежи, разбои, угоны, мошенничество, хулиганство...

В 1987 г. опять ушёл в свободное плавание (в первый раз относительно свободно «поплыл», уйдя в 1974 г. из МАИ – см. выше). Конец 80-х – это гораздо более лихие годы в России, чем 90-е, для меня уж точно, – было очень трудно, но очень весело. В это время я занимался мелким, по нынешним временам, бизнесом – пока меня не позвал на работу в совместное советско-австрийское предприятие мой товарищ Леонид Заманский – настоящий герой тех лет – смелый, буйный, умный, неугомонный и очень сильный человек. У него я и начал работать, возглавляя одновременно службу безопасности и правовое управление. В конце 1993 г. партнёры Леонида наняли меня на должность председателя правления банка, входящего в общую структуру их холдинга, а по окончании контракта я ушёл в очередное свободное плавание, в итоге основав музыкальное издательство «Восточный ветер».

С 1998 по 2003 г. был его владельцем и директором – мы издавали в основном авторскую песню, идея была – заработать как можно больше денег, не отступая от основной гуманитарной миссии фирмы – сделать людей в России умней, добрей и счастливей. Первую задачу я, строго говоря, провалил – ничего не заработал по причине собственной низкой на тот момент управленческой квалификации; вторую – скорее всего, тоже провалил, но не факт – время покажет.

С сентября 2003 г. работаю на Косогорском металлургическом заводе – первые три года был директором по безопасности, затем стал генеральным директором и до сих пор им остаюсь.

К литературе, на первый взгляд, всё перечисленное не имеет отношения – какая разница, кого куда судьба бросала, что он там грузил, строил, сеял, плавил? От литератора остаётся то, что он написал, и больше ничего, биография порой вообще никак не связана с тем, что отразилось на бумаге. Но иногда читателю интересно узнать про автора, кто он такой и откуда взялся, на этот случай я и сообщил о себе некоторые данные.

Май, 2018

Раздел I

Первый раздел книги условно можно назвать лирикой – в нём о дружбе и любви, о расставаниях и потерях – всё больше о грустном; но, родившись первого апреля, долго грустным я быть не могу, поэтому и лирика в этом разделе порой несколько специфична, но уж какая есть.

«Помнишь, как влюбилась ты в юного спортсмена...»

Помнишь, как влюбилась ты в юного спортсмена,
В чемпиона области по прыжкам в длину?
Он в твоих объятиях, как в печи полено,
Был такой пропащий весь, как солдат в плену!

Свежие, румяные, вроде абрикосов,
Щёки твои гладил он, и при всём при том
За тобой ухлёстывал аспирант-философ —
Зверь такой нахрапистый – крокодил, питон! —

Всё хотел наброситься, и за шкурку – в жёны
Взять и утащить тебя: «Ты теперь мой тыл!»,
Чтоб потом дружки его – умники, пижоны
Языками цокали: ишь ты, отхватил!

Он анализировал Ленина и Маркса,
Он про диалектику долго мог болтать, —
Был похож на шизика, на пришельца с Марса,
Если эрудицией начинал блистать!

Свысока, критически глядя на спортсменов,
Тётки с тобой спорили: «Хоть он и красив,
Хоть высок и строен он, Аполлон твой хренов,
Всё же это слабенько в плане перспектив!

Вот марксист твой, ленинец, с кем ты тоже крутишь
Шашни любовные, он совсем иной —
Он в загранке был уже, с ним ты точно будешь
В самом лучшем перечне у страны родной!

Жизнь увидишь яркую, да в красивых блёстках,
Курс узнаешь истинный доллара к рублю».
Ты тогда ответила: «Есть одна загвоздка —
То, что я не этого, а того люблю!»

А они: «Да ладно уж, нас не агитируй!
Любишь – и люби себе, только меру знай!
Мы тебе ключи дадим от пустой квартиры,
Главное – с философом шанс не упускай!

Ну, а так – крутись, вертись, тут расклад несложный;
Да, спортсмен забавный твой, буйный, заводной,
Только за философом всё оно надёжней,
Словно как за каменной, за большой стеной!

Нет, конечно, в Штаты он точно не поедет
Ихнюю компартию принципам учить,
Тут у нас поближе есть разные соседи —
Их с лихвой, в избытке тут, лясы с кем точить!»

...Помнишь, со спортсменом вы в парке напоследок
Шляясь, как лунатики, встретили рассвет?
Про марксиста-ленинца он не знал, не ведал.
Вам в ту пору стукнуло девятнадцать лет.

И его отправили в край глухой, унылый —
На два года в армию Родине служить.
Ты неделю целую плакала и выла,
А потом с философом вместе стала жить.

«Расскажи-ка, милый мой – ты к нему с вопросом, —
Сущность трансцендентная – это вот чего?
Как пойму, дружков твоих, дядек умных с носом
В дураках оставляю я, всех до одного!»

Он в ответ: «Материя ко всему первична,
Но вообще ты правильный задаёшь вопрос.
Есть одна гипотеза: Гегель самолично
Тайну этой сущности в гроб с собой унёс!»

Он статьи научные, типа, тары-бары,
Ракурсы там всякие, смыслы бытия —
Посылал в редакции, хапал гонорары,
И, как пряник, сладкая жизнь была твоя!

И на конференции из страны Советов
Он в Чехославию ездил, в ГДР!
Этих стран на карте уж и в помине нету,
А тогда рвали сь туда всяк на свой манер!

И нежданно грянули времена лихие.
Вон, как из неведомой тёмной глубины
Совершенно новая поднялась Россия,
Ей марксисты-ленинцы больше не нужны!

Твой философ дёргался, словно с перепоею:
Как без диалектики, без марксизма как?
Хоть бы кто пресёк уже сильною рукою
Эту вакханалию, хаос, кавардак!

Как-то всё теперь у вас не особо катит.
Гнев, негодование в сердце у него:
«Почему страна моя денег мне не платит?
Что я ей плохого-то сделал? Ничего!»

В продавцы идти ему, в плотники, в монтеры
Очень уж не хочется, он и не идёт,
Он в панаме, весь такой рыболов матёрый,
У Москвы-реки сидит днями напролёт.

Он с утра до вечера созерцает воду,
Даже, как детей зовут, малость подзабыл!
А они в обед ему носят бутерброды,
Чтобы он закусывал и чтоб меньше пил!

Ты случайно встретила своего спортсмена,
Ну, точнее, раньше он был тебе своим —
До тех пор, пока ему не пришла замена, —
Вы в кафе какое-то заглянули с ним.

За окном метель мела, пьяная, шальная.
Вы глинтвейну выпили. Он спешил, увы!
«Ну, чего, как жизнь твоя?» «Да сама не знаю.
Лучше уж не спрашивай, душу не травми!»

И в тебе проклюнулись прежние замашки,
Ты шептала вслед ему: «Подожди, постой!»,
Ключики-то брякали у тебя в кармашке
От квартиры тётиной, всё ещё пустой!

Из дверей стеклянных он в снег, в потёмки вышел,
И, в окно мельком тебе помахав рукой,
Тихий твой, отчаянный шёпот не услышал —
Сердцем был и мыслями где-то далеко...

Он в каком-то бизнесе нынче самый главный —
Пашет с утра до ночи, не жалея сил,
Он на день рождения – вот, совсем недавно —
Твоему философу спиннинг подарил.

Девки, хрен вас пустит кто дважды в ту же реку;
Чтобы в жизни полными дурами не быть,
Не за стенку замуж-то, а за человека
По любви, по совести надо выходить!

Нечего раскладывать всякие пасьянсы —
Кто какой там выгодный хахаль, кавалер!
Рассчитать всё в точности – нулевые шансы —
Вам с мозгами вашими – вот он вам, пример —

Эта вся история, стих мой невесёлый.
Про мозги простите уж – это я в пылу
Не сдержал эмоции. Я ещё со школы

Как умел, противился глупости и злу.

Девки, я люблю вас всех, и в такой связи я
Не хочу с пристрастием, строго вас судить.
А чего хочу-то я? Да чтоб всем в России
По любви, по совести замуж выходить!

2017

«Дорогая Смирнова Надюха...»

1

«Дорогая Смирнова Надюха,
Ты послушай простые слова:
Я хочу целовать тебя в ухо,
А, точнее сказать, даже в два.

Мы сумеем с тобою поладить,
Ты поближе, пожалуйста, сядь.
Я хочу по ноге тебя гладить
И предплечье твоё щекотать.

То, что я холостой, не семейный —
Мой существенный козырь и плюс.
В магазине бутылку портвейна
Я куплю и к тебе завалюсь.

Мы о вечном немного поспорим,
Я тебе доведу до ума
То да сё, светлый путь к ясным зорям.
Ну, а дальше кумекай сама» —

Вот такую записку Надюхе
С пожеланьем любви и добра
Я в столовке, где чёрные мухи,
Положил под тарелку вчера.

Я молодой бригадир, у меня крановщицы —
Двадцать персон, надо к каждой найти свой подход.
Вот и ищу. Если хочешь заводом гордиться,
В светлые дали смотри – не назад, а вперёд!

2

Я туда и смотрю. Только трудно
Баб держать на хорошем ходу.
Потому я порой безрассудно
Через тернии к звёздам бреду.

От забот очумевший слегка я,
Глажу девок рукой по плечу,

Пальцем тыкаю в бок, и щипаю,
И под рёбрами их щекочу.

Эх, как звонко хохочут девчата,
Аж трясутся внутри потроха:
«Ну, ещё ущипни, ну, куда ты?
Ха-ха-ха, ха-ха-ха, ха-ха-ха!»

Я для девок предельно простую
Схему действий придумал свою,
Я рабочий настрой формирую,
Я им счастье, карьеру кую!

Я не зверь здоровенный и злощий,
Не какой-нибудь там солдафон,
А весёлый шутник, создающий
Конструктив, положительный фон.

Чтобы на совесть трудились они, на «пятёрку»,
Даже порой иногда я себе позволял
В тихую гавань тащить их – в подсобку, в каптёрку —
С целью курировать вверенный мне персонал!

3

Есть эффект. Только-только, едва лишь
Ты по-дружески ей подмигнёшь,
Или сам её, лично похвалишь,
Или в кружку ей чая нальёшь,

Да она тебе горы своротит,
Все заборы и стены снесёт,
И на самом крутом повороте
И поддержит тебя, и спасёт.

И бульдога за шкуру отловит,
Чтоб не лаял – без всяких проблем,
И коня на скаку остановит,
И не спросит при этом, зачем.

Нет, сердца им не рву на куски я,
По невидимой грани скользя.
Крановщицы – девчата такие,
Их особо дурачить нельзя!

Так тебе гроыхнут – во умора! —
Так уронят ответственный груз, —

Сам сдаваться пойдёшь к прокурору,
Если ты бригадир, а не трус!

Сторож, Лукич, мне долбил по мозгам равномерно:
«Ты уж одну из них выбери, максимум две,
Не доведёт он тебя до добра, уж поверь мне,
Ветер шальной в непутёвой твоей голове!»

4

Я чего-то в ответ ему вякал,
Но лопатками чуял, спиной:
Стали тучи сгущаться, однако,
Не над кем-нибудь там – надо мной.

Мне тревога на психику давит —
Я её рассказал Лукичу —
То, что девки вот-вот сопоставят,
С кем и как я романы кручу.

Холодок нехороший по шкуре
Пробегал, хоть я с девками был
Весь галантный такой, балагурил,
Анекдоты в курилке травил.

А теперь им уже не до смеха,
И в обед, среди белого дня,
У развалин цементного цеха
Отмудохали девки меня!

Да, ребята, что было, то было.
Вот такие творятся дела.
Рукояткой от швабры по рылу
Надька мне напоследок дала.

Вот вам и финиш, развязка, конец эпизода —
Пятые сутки в тумане каком-то, в дыму
Я пребываю. Спасибо, директор завода
Принял меня. Я нюансы поведал ему —

5

Я проблемы свои и обиды,
Точный перечень всех передрыг —
Всё, как есть, на духу ему выдал

И узнал, что я полный м... к.

Он тенденцию выразил вкратце:
«Есть научно доказанный факт —
Что всегда ты рискуешь нарваться,
Если с бабой идёшь на контакт.

Для неё даже нет разговора,
Что злодей, негодяй – это тот,
Кто девчатам подряд, без разбора
В уши нежные песни поёт!

И вообще – только самым подлюгам
Всё оно ничего, в самый раз
Свои чувства к любимым подругам
Выставлять на всеобщий показ.

Ну, а ты, дуrolом, хлопнешь стопку,
И давай огород городить —
Бессистемно в каптёрку, в подсобку
Развесёлых подруг приводить.

В общем, огрѐб ты, конечно, частично по делу —
Он подытожил коротким кивком головы, —
Да, не сказать, что ты слишком пушистый и белый,
Но ведь и девки тут, мягко сказать, не правы!»

6

Он сказал, что в любую эпоху
Можно общий закон проследить:
«Если лидера сразу мудохать,
Он не сможет себя проявить!

Чтобы сердце своё успокоить,
Всем вам, черти, на вашем пути
Дипломатию надо освоить.
Это тонкая штука, учти!

Если ты не ругаешься матом —
Значит, что – ты уже дипломат?
Можно фрак надевать? Да куда там!
Ты сперва покумекай сто крат!

Посиди в уголочке, подумай,
Как, мостов не сжигая дотла,
Без базара, без лишнего шума

Эффективно обтяпать дела.

Ну, вот ты – хоть в плечах и поширше
И заметно на вид здоровей
Надьки – бывшей своей бригадирши,
Относись с осторожностью к ней!

Даже когда твой противник в режиме маразма,
В ритме конвульсий тебе оппонирует – что ж,
Гни свою линию вскользь так, зигзагообразно, —
Меньше в сто раз потеряешь, а больше найдёшь!»

7

«Выше нос, – мой директор продолжил, —
Мы возможность манёвра дадим
Тем, кто бил человека по роже —
Например, крановщицам твоим!

Пусть они к тебе ищут подходы,
Виновато в сторонку сопя,
Кто на фоне любимой природы
У развалин мудохал тебя!

Охи, ахи, сю-сю, тыры-пыры
Пусть теперь будут с их стороны,
Торты к чаю давать и зефиры
Пусть они тебе будут должны!

Да, дружок, ты всё правильно понял —
То, что ты никакой не изгой,
Пусть они тебе греют ладони,
Мол, любимый ты наш, дорогой!

Пусть кудахтают, как перепёлки!»
А чего? Золотые слова!
Эх, не зря говорят на посёлке,
Что директор у нас голова!

В общем, он мной возмущился, но ими – не меньше:
Как это так – бригадира казнить без суда?
Хочешь родному заводу служить – так не смей же
Рот разевать без отмашки, иначе беда!

8

План такой у директора – (ловко
Он его разработал в башке) —
Ход конём, а, точней, рокировку
Провернуть на условной доске —

Я с себя полномочья слагаю
И Надюхе их все отдаю,
Даже, типа, обижен слегка я
На суровую долю свою.

И, махнув с Лукичом по стакану,
В дальний угол, как драный кобель,
Уползаю зализывать раны
На больничный, на пару недель.

Так задумано. Так всё и вышло.
Цель проста – баб проверить, понять,
Сколько в них помещается смысла,
Если волю им полную дать.

Я теперь гегемон, пролетарий,
Я в почёте, в особой цене,
А чтоб девки в цеху процветали —
Это к Надьке уже, не ко мне!

Я крановщик, я и стропальщик – редкостный случай,
Я и электрик, и слесарь – не слабый ресурс.
Если пылинки с меня не сдувать, то получишь
В смысле движения к цели сомнительный курс!

9

Пусть рожденный для сложных задач я —
Бригадирствовать, лямку тянуть,
Но вообще это должность собачья,
В самый раз от неё отдохнуть.

Бюллетеню, смотрю сериалы —
Я от них, если правду сказать,
Хоть неглупый с рождения малый,
Слабоумием начал страдать.

Отпусков за прошедшие годы

Сорок дней у меня набралось.
На курорт, в Минеральные Воды
Я путёвку купил на «авось»!

Вот сижу на природе в беседке,
В домино с мужиками стучу,
От изжоги глотаю таблетки,
Пивом с воблой похмелье лечу.

А из цеха уже телеграммы
Девки шлют мне: «Кошмар! приезжай!
Скоро сами не знаем, куда мы —
Попадём, но уж точно не в рай!»

Что ж, прилетел. На планёрке печальные песни
Мой персонал, правда, бывший, тревожно поёт:
«Якорь электромагнита имеет, хоть тресни,
Из-за износа накладок повышенный ход!

10

Мы тут полный набор поимели —
Привод тормоза полностью сдох,
И контактор защитной панели
Ненадежен, да попросту плох!

Ходовые колёса буксуют —
Перекошены оси, ... ц!
Рельсы чистим – напрасно, впустую,
Воздух сер и тяжёл, как свинец!»

Я стою такой – в трансе, в бреду ли,
Не пойму, в чём засада и где,
Будто сбоку слегка саданули
Деревяшкой меня по балде!

«Девки, это ж рутина, чего вы?»
А они мне: «Включайся давай!
Ты ж такой в производстве толковый,
Хоть и полный в любви раздолбай!

Мы тебе и зефиры, и торты,
Всё дадим, только дело наладь!
Ты упрямый, настырный, упёртый —
В общем, надо бразды принимать!

Кстати, ты как-то каптёрку забыл, и напрасно —

Мы для тебя создадим, так сказать, статус-кво!
Можно, и нужно водить нас туда, мы согласны.
Главное дело, чтоб ты не забыл никого!»

11

У меня в лабиринте извилин
Мысли ползают, как муравьи.
Очень жалко, что я не всемогущ,
Дорогие девчата мои!

Совесть, стыд по рукам меня вяжут.
Я на девок гляжу и грущу:
Не могу я всех сразу уважить,
Даже если я вас и прошу!

А вот Лёха, знакомый мой грузчик,
Не откажет из вас никому —
Краснощекий такой, здоровущий,
Лучше вам обратиться к нему!

Я ему передам эстафету —
Буря, прорва страстей в нём и сил.
Ведь в каптёрку-то чёртову эту
Не особо я вас и водил!

И теперь у меня нету цели
Быть для вас путеводной звездой,
Я здоровье-то, вон, еле-еле
Излечил минеральной водой!

Девки, прикинув, бесхозность свою осознали:
«Раз не желаешь светить нам, как факел во мгле,
Главный рубильник проверь и другие детали,
Сделай хоть что-то с нагревом катушек реле!

12

Видишь сам – вроде дело простое,
Только краны-то, суки, стоят,
А у нас по причине простоев
Вся работа не в склад и не в лад.

При тебе-то не так оно было —
Никакой этой всей лабуды,

И деньгу-то уж точно не хило
Нам давали за наши труды.

Мы не просто весёлое время
Проводили совместно с тобой,
А по части надбавок и премий
Ты вступал с бухгалтерией в бой!

Ты на них налетал леопардом
И для нас выгрызал всё, что мог,
Был стратегом, вождём, авангардом,
Нас хранил, защищал и берёт!»

Бабы, стойте, а как же Надюха,
Ей же даден карт-бланш, что она?
«А Надюха твоя – развалюха,
То мигрень у неё, то спина!

Да, позвоночник там, что ли, куда-то сместился,
Хрящ там какой-то сквозь ткани пророс не туда!»
В общем, как будто я с неба на землю спустился —
Всё тут хреново! С Надюхой – и вовсе беда!

13

Да она вон, сказать для начала,
В бесконечных отгулах своих,
Словно баржа во льду, подзастряла,
Растолстела, пыхтит: пых-пых-пых!

Да, фигуру блюдет, голодает,
Но имеет один недочёт —
Пироги по ночам поедает,
И опять целый день их печёт.

Так-то баба она молодая —
Губы красит, стоит у окна:
«Кто такая свирель, я не знаю,
Но хочу, чтоб звенела она!

Чтобы нежно так всё, романтично
Было в жизни моей, как во сне,
Чтобы рыцарь ко мне симпатичный
Заявился на белом коне!»

Так ведь был же я им, симпатичным
Ухажёром таким, был к ней вхож,

А очнулся потом на больничном —
Всем известно, что баб не поймёшь!

...Ладно, ребята, конечно, я дело наладил,
Всё же я с девками общей единой судьбой
Накрепко связан, но, зорко и пристально глядя
Сверху на всё, я не слишком доволен собой!

14

Не сказать, чтоб включал дурака я,
Дурь в меня проникала сама.
А какая мораль? А такая,
Что нельзя выживать из ума!

Надо старших внимательно слушать,
Да того же хотя б Лукича,
Чтоб по рылу за милую душу
Не долбали тебя сгоряча.

Да и девки должны суть урока
Всю понять до конца, осознав,
Что нельзя с человеком жестоко
Обращаться, когда он не прав.

Чтобы нам удержаться на грани,
За которой и нет ничего,
Наш директор психолога нанял —
И диплом, и очки у него.

Он с девчатами начал балакать
Тет-а-тет, типа тренинг такой,
Чтоб печалиться меньше и плакать,
Чтоб пахать им всегда день-деньской!

Он пришёл к Лукичу за советом,
Он в специфику вник наших дел —
Дипломат весь такой, и при этом
От каптёрки ключи заимел.

Вот меня вызвал директор, по двести на брата
Лично разлил – у меня на глазах, наяву:
«Нету конфликта. Исчерпан. По коб ням, ребята!
Кто не желает работать – башку оторву!

15

Если кто-то кому-то по харе
Надал, показал своё «я»,
Это значит, вы мало пахали.
Догрузить вас – задача моя!

Кстати, грузчик твой парень не промах,
Он к девочкам нашёл свой подход —
Стороной от каптёрки до дома
Втихаря их в обнимку ведёт.

Как-то всё там кончается миром
Без особых трагедий и драм.
Я назначу его бригадиром
И тебе повышение дам!

Чтоб на каждом рабочем этапе
Ты бы в каждое пекло совал
Длинный, чуткий свой нос, чтоб не запил,
Производственный план не сорвал!»

«Дорогой мой, любимый директор —
Я спокойно ему, без понтов, —
Хошь в какой я сегмент или сектор
С головой окунуться готов!»

Окунулся. Зрачками вращаю:
Ишь ты, как обернулось оно,
По любимой бригаде скучаю,
Всё там сложно у них и чудно —

Всё как-то более стало серьёзно, сурово,
Даже, вон, Бог, я смотрю, кой-кого наказал —
Танька редуктор сожгла, а Надюху Смирнову
Узами брака придурок какой-то связал.

16

Все живые – и то хорошо хоть,
А урок тут простой, вот он весь:
Прежде, чем бригадира мудохать,
Ты все плюсы и минусы взвесь!

Как-то очень уж мы озверели.

Я вам, девки, скажу без прикрас:
Никакой такой нежной свирели
Не звучит в организме у нас!

Злость застряла в душе, как заноза,
Вот и не хрена лясы точить,
Надо выйти сперва из невроза,
Чтобы после счастливыми быть,

Чтобы люди спокойно и чинно
О добре рассуждали и зле,
Чтоб никто никого беспричинно
Не мудохал на русской земле,

Чтоб ослепшим от блеска регалий
Представителям вражеских стран
Вместо всяких мудацких баталий
Выполнять производственный план!

Чтобы последняя пуля вдали просвистела,
Чтобы у каждого внутренний голос в груди
Мирно звучал, чтоб душа трепетала и пела.
Эй, человечество! Если не знаешь, что делать,
Разоружайся и к нам на работу иди!

...Может, дошёл ты уже до предела, до точки,
Может, и нету уже ни хрена впереди.
Эй, человек! не сиди, как мурак, в уголочке,
Если не знаешь, что делать, работать иди!

2017

Прощание

Родная окраина, Богом забытый угол,
Костёр за рекой, по-над берегом синий дым.
Мы снова с отцом в тишине друг напротив друга,
Мы в летнем кафе под высокой сосной сидим.

Он за час на ветру продрог.
Нам у стойки рисуют счёт.
«Не спеши, – он сказал, – сынок,
Подожди, посидим ещё».

Это кстати как раз. Всё злей
Мой по жизни безумный бег.
...Он уйдет через восемь дней
Навсегда, насовсем, навек.

Вечерний сквозняк лупит влёт по сосновым шишкам.
«За мать, наливай, – мне, как водится, подан знак, —
Эх, жили же мы! Может, строгими были слишком,
Какие уж есть. Ты прости, если что не так».

Ну, чего ты опять, отец?
Вы сто лет за меня горой,
Да от ваших родных сердец
Стук стоит, барабанный бой!

И под эту лихую дробь
Мне – хоть в гору, хоть вглубь, на дно.
От крутых и опасных троп
Лишь веселье во мне одно!

Стемнело. Стихи бормочу, у меня их прорва.
Фонарь почему-то вдали на углу погас.
«Ну, ты и даёшь! Эх, сынок, вот бы было здорово,
Чтоб ты сочинил что-нибудь про своих, про нас!

Чтобы всех этот мир узнал —
Мать, соседей, родню, друзей!»
...Он мне руку тихонько сжал.
Он уйдет через восемь дней.

А пока о житье былом
Он ведёт не спеша рассказ.
Мы за круглым сидим столом.
Если б знать, что в последний раз...

...Матёрый, здоровый волчище я – битый, тёртый,
В делах день и ночь от сосны той верчусь вдали.
Я денег занёс, чтоб её не спилили к чёрту.
Спилили. А после ещё и кафе снесли.

Что стесняться? Скажу, как есть:
Бог мне в пальцы перо вложил,
Чтоб тащил до конца свой крест,
Чтоб писал, не жалея сил.

Время тает, как снег. Спешу.
И про всех, кто меня любил,
Кто был рядом со мной, пишу —
День и ночь, не жалея сил...

2016

«Он вошёл – живот вперёд...»

Он вошёл – живот вперёд,
Пол-купе собою занял,
Смотрит мутными глазами
И её не узнаёт.

Вот он принял стопаря,
Закусил солёным груздем,
Покосился взглядом грустным
На листок календаря.

Он журнал большой достал,
Чью-то речь взхлёб читает,
Авторучкой отмечает
Интересные места.

Поезд мчится под уклон,
Дребезжат полы и двери,
А она глазам не верит:
«Неужели это он?»

Было время, он у ней
Под окном свистел в три пальца,
Ждал, дрожал, в дожде купался,
Под балконами мотался,
Не считал ночей и дней.

До рассвета, до зари,
На ветру качаясь в вальсе,
В мокром мартовском асфальте
Отражались фонари.

Он у каждого угла
Ей читал свои сонеты,
Звал с собою на край света —
Не решилась, не пошла, —

В ночь по чёрному двору
Упорхнула, улетела,
Ей маманя не велела
Целоваться на ветру!

Он исчез. Судьба сама
Повернулась, как монета, —
Сгинул к чёрту – ни ответа,
Ни привета, ни письма.

Вот он сбегал на перрон,
Колбасы купил и пива,
Мордой к двери лёг лениво,
Неужели это он?

Распустил во сне губу
И подушку носом роет,
И начальство матом кроет,
И супругу, и судьбу.

Вот ревут на весь вагон
Ревизоры, словно звери,
А она глазам не верит:
«Неужели это он?»

Был у девок нарасхват,
Как весной морковь на рынке,
Был красавчик, как с картинки —
Заграничные ботинки,
Галстук, трость, туманный взгляд.

Он теперь, как гриб, растёт, —
Важный чин в большой конторе,
Едет в Сочи, в санаторий,
В ус не дует, пиво пьёт.

Всё растаяло, как сон,
Унеслось, ушло, уплыло,
Неужели это было,
Неужели это он,

Кто с ней шуточки шутил,
На руках ходил по крышам,
Грозных окриков не слышал,
Сонных дворников дразнил? —

Молод, весел, и силён,
И Фортуна с ним дружила,
Неужели это было,
Неужели это он?

1984

«А в облако месяц вонзился, как бивень моржовый...»

А в облако месяц вонзился, как бивень моржовый.
Туманом завод, как морскою пучиной, накрыт.
Мечта металлурга, красавица Нинка Чижова
Идёт после смены домой и на нас не глядит.

Мы, ясный пень, подшофе, но не в усмерть, не в ноль,
«Нинка, чего кочевряжишься, – вслед ей кричим, —
Девок – до чёрта, но ты – наша страсть, наша боль!»
Мы ей стихи по ночам на асфальте строчим!

Она на ходу каблуками колотит чечётку
И машет: спешу, мол, и мне не до вас, без обид,
Покуда вы всё, что горит, заливаете в глотку
И тащите прочь со складов всё, что плохо лежит!

Нам тётя Мотя, завхоз, обозначила суть:
«Братцы, вам всё по плечу, я скажу без прикрас —
Альпы, Памир и Кавказ, Гималаи свернуть,
Главное дело, чтоб девки смотрели на вас!»

Быть бы чуток потрезвей нам, а мы не смогли,
Типа, и ладно, что Нинка на нас не глядит,
Сами с усами! И пусть она где-то вдали
С гадом каким-то культурным на лавке сидит!

Уволилась Нинка, и жизнь кувырком покатилась,
Вагоны буксуют, чугун замерзает в печах,
Стоят шлаковозы, и коксоподача накрылась,
И чьи-то, вон, тени, как крысы, шныряют в цехах!

Нету людей. Холод, ветер, и ночь всё темней,
Возле забора фонарь побледнел и погас...
Сторож, забытый на вахте, бормочет во сне:
«Всем нам хана, если девки не смотрят на нас!»

2009

Так я стал поэтом

Вон окошко светится в сталинской высотке,
Академик живописи здесь когда-то жил.
Я ещё, бывало, с ним принимал по сотке,
Так как с его дочкою, с Валькой я дружил.

Валька открывала мне, стройная такая,
Лёгкая, воздушная: «Я тебя ждала!»
И, очами чёрными на меня сверкая,
В комнату за шиворот сразу волокля!

Страсть меня, как молния,
Наповал разила!
Полная гармония —
Вот что с нами было!

Нас как будто ласковый
Ветер тихий, нежный
Каждый раз утаскивал
В океан безбрежный.

Валька на художницу в ВУЗе обучалась,
А меня с рук на руки ей передала
Томка из «Плехановки», что со мной встречалась,
Прежде, чем в Америку с мужем удрала.

Валька небылицами знай папашу грузит,
Что мы однокурсники, что уж третий год
Мы там всё штудлируем, в этом самом ВУЗе,
Что она давно меня в женихи зовёт.

К ним без этой сказки я
Даже и не вхожий,
В эти кущи райские,
Где мороз по коже

От фуршетов-раутов,
Где сижу, пирую, —
Где, как мяч из аута,
Вброшенный в игру я!

Я спокойный, тихий был, матом не ругался,
Валькин папа сразу же это оценил.
Он моими планами интересовался
И уже нас мысленно с Валькой поженил.

«Парень, береги её, чтоб она ни шага
Без тебя не делала!» Он и знать не знал,
Что на самом деле я – грузчик, работяга,
Временный, чего уж там, Валькин идеал.

В институте, в юности
Я скулил от скуки —
Пару лет по дурасти
Грыз гранит науки.

...Всё прошло, и вскорости
Плотную, густую
Без зазренья совести
Папе гнал пургу я.

Мне вообще-то жаль его было, горемыку,
Он конкретно впахивал, стойкий был солдат —
Рисовал без продыха Брежнева, Громыку,
Сулова, Косыгина – всех, кого велят.

Но притом, смотри-ко-ся! – был фанатом Пресли,
Коньяки французские за свободу пил,
Как-то в кабинете он, сидя в мягком кресле,
Винную коллекцию для меня открыл.

Там богема всякая
В холле тусовалась,
Стаканá ми звякая,
К папе не совалась.

Он со мной беседовал
По своей программе:
«Шевели, – советовал, —
Головой, мозгами!

Вот я на покой уйду – не сейчас, не сразу, —
После свадьбы Валькиной, надо ж погулять,
А тебе, как зятю, я все свои заказы,
Дело жизни думаю в руки передать!»

Он допил «Бургундское», закусил бананом:
«Ну чего, к гостям пойдём, хватит уж скучать,
Ознакомим публику с перспективным планом,
Кто кого тут вскорости будет замещать!»

Я уже, как лодка, плыл,
По волнам, по морю,
Я с богемой водку пил
И о вечном спорил.

И в пылу полемики
На восьмой рюмашке
Я у академика
Попросил отмашки.

Мол, чего растрачивать время вхолостую?
Все, вон, тут великие, каждый – царь и бог;
Можно, я чего-нибудь тоже нарисую?
Надо ж как-то с обществом строить диалог!

Он кивнул, и сразу же, будто ждал, поди ты! —
Брат его двоюродный дал мне чистый лист —
Тоже живописец он, битый-перебитый,
Отовсюду изгнанный абстракционист.

За окошком на реку
Снег летел пушистый.
Я налил стопарика
Абстракционисту:

«Грош цена эстетике
Самой разной масти,
Если в ней конкретики,
Силы нету, страсти!»

Звёзды в небе мутные тлели, как окурки,
И уже сама моя вывела рука,
Как Чапай на лошади едет в чёрной бурке
И рубает шашкою банду Колчака.

Или, там, Деникина, не один ли хрен-то?
Млечный путь ещё я там вставил в свой сюжет —
Он оплёл галактику пулемётной лентой,
Мол, у революции и конца-то нет!

Он там вроде хобота
Из-за леса вылез, —
Гости все от хохота
На пол завалились.

Даже диктор в телеке,
Мне казалось спьяну,
Рухнет от истерики
Прямо к нам с экрана.

Кто-то, лёжа, пятками в стену барабанил,
У папаши в горле, вон, рёв какой-то, свист,
И в углу стремительно под шумок дербанил

Винную коллекцию абстракционист.

Валька мне из комнаты знаки подавала:
«Ну чего, хорош уже, подходи давай!»
Сколько ни ласкай её, всё ей будет мало,
У неё энергия хлещет через край!

Я от той энергии,
Будто в жар и пламя,
Падал, брошки-серьги ей
Покупал с камнями.

И, сгорая заживо,
Я, слегка поддатый,
На неё просаживал
Сразу пол-зарплаты.

Это так, отвлёкся я, ну, а тут – о, чудо! —
Валькин папа водки мне полный ковш налил
И сказал: «Неважно мне, кто ты и откуда,
Важно, чтоб скорее ты навсегда свалил!»

В общем, в шею выперли на мороз, на холод,
По каким-то лужам я шёл не глядя, вброд,
Но в душе для радости был хороший повод —
То, что на дорогу мне дали бутерброд.

Нет, ни в коем разе я не теряю веры
В то, что я художником тоже быть могу,
Что своеобразие творческой манеры,
Острый угол зрения есть в моём мозгу.

Абстракционисту лишь
Этот угол важен:
Ты ещё, мол, «выстрелишь»,
Мы им всем покажем!

Ну их, этих дуриков!
Может, не Гоген ты,
Но уже не Суриков!
Так держать, студенты!

А потом в бригаде мне парни подсказали:
«Ты попробуй всё это в книжке описать,
Прозой ли, стихами ли, чтобы люди знали,
Как у нас с талантами могут поступать!»

А чего, попробую, всё же до черта я
Накопил умища-то, а уж сколько сил,

Как вулкан, бурлит во мне! Вот и пусть читают
Бабы, Валька с Томкою, как я их любил!

(Я сюжет не комкаю.
Всё познал сполна я,
Но в сравненьи с Томкою
Валька – основная).

В жизни место подвигу
Сам найдёшь везде ты,
Но она мне по фигу,
Если баб в ней нету.

В общем, как-то всё оно лихо завертелось.
Спорт – моё призвание. А поэтом быть
Я и не рассчитывал, просто мне хотелось
Чем-то неожиданным Вальку удивить.

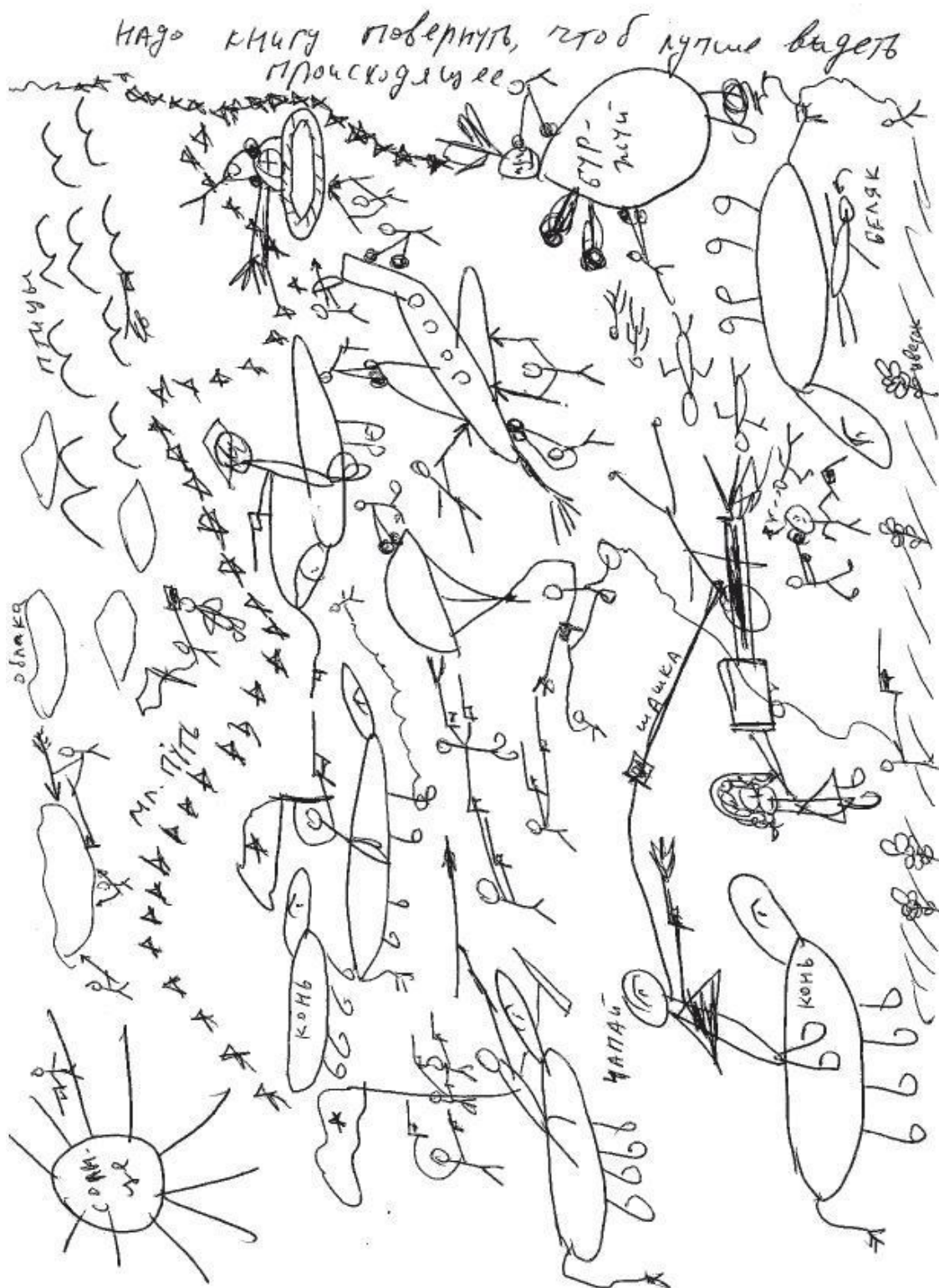
И теперь я с рифмами лихо упражняюсь,
У моей фантазии тот ещё полёт,
Даже не сказать, что я сильно напрягаюсь,
Как-то всё само оно у меня идёт.

По стране стихи мои скачут, словно кони!
Я тогда на холоде, на ветру озяб,
У высотки сталинской, но в итоге понял:
Всё, что люди делают, это ради баб!

Пусть из рук всё валится,
А вот ты поди-ка —
Чем зазря печалиться,
Бабу заведи-ка!

Вот я и не вякаю!
Я зимой и летом
Был на связи с Валькою,
Вот и стал поэтом!

2017

«Он огонь умел глотать, он об стёкла спички чиркал...»

Он огонь умел глотать, он об стёкла спички чиркал,
Помнишь, как вы с ним гуляли в Ботаническом саду?
Он тогда был молодой, он хотел работать в цирке,
Он тянул ладони к небу, для тебя ловил звезду.

И пока ты под луной банку с пивом открывала
И под боком его жарким грелась, словно у костра,
Он шнурки тебе связал, чтобы ты не убежала,
И с тобою на скамейке целовался до утра.

Солнце встало, и привет, ты ушла искать другого,
Чтоб серьёзный был, при деле, чтоб не связывал шнурки,
Чтоб машину «Кадиллак» по Бродвею вел сурово
И держал на антресолях денег полные мешки.

Ох, вела тебя судьба по колдобинам, по кочкам,
Ох, валила тебя наземь, бесновалась, как в бреду.
Ты бы склеила тот день по осколкам, по кусочкам,
Как вы вместе с ним гуляли в Ботаническом саду!

Ты красивой была, адской страсти жаркий пламень
По тебе сто раз прошёлся, прогулялся, словно нож.
И остался узелок на шнурке тебе на память,
Ты над этим узелочком в уголочке слёзы льёшь.

Вот опять ты и опять, просыпаясь среди ночи,
Сад, скамейку вспоминаешь. Белый свет тебе не мил.
И в подушку, в простыню до утра впотьмах бормочешь:
«Ох, зачем ты меня, дуру, развязал и отпустил?»

1995

**«Били в рельсу, вставал затемно,
пониманье имел смолоду...»**

Били в рельсу, вставал затемно, пониманье имел смолоду,
Лес валил, в штабеля складывал, об колена судьбой гнут,
Рвался, прыгал – дурной, дёрганный – расплеваться с зимой, с
холодом,
И, по мертвой земле шлёпая, в дом войти, где тебя ждут.

Воля вольная, жизнь жалкая – подворотня, сквозняк, сумерки,
Снег в лицо, и пойти не к кому – этот съехал, а тот – сел.
Вдоль домов, возле стен граждане ходят смиренные, как суслики,
И всплеснул старый клён ветками, удивляясь, что я цел.

Ветер тащит меня за угол, где потёмки – хоть глаз выколи,
Шарит, сволочь, по мне лапами, воеет, рвёт на груди крест,
Мол, тебя здесь вообще не было, и тебя мы в гробу видели,
Не в гробу, так в петле – прочь иди, зал заполнен, и нет мест.

Прочь иду – прямо в даль светлую, где уроды снуют толпами.
Пусть верёвки, шнурки с нитками из меня впопыхах выют,
Пусть душа на ветру скорчилась, только б знать, где свои, только
бы
Свет в окне увидав издали, в дом войти, где тебя ждут...

1984

«Меня советский строй, как молот стопудовый...»

Меня советский строй, как молот стопудовый,
Утюжил, прессовал – хитёр, жесток, лукав,
А я крутил любовь с Лариской Комаровой —
Брюнеткой пышных форм, шалавой из шалав.

Я лирик. Это факт. Я пел стрезва и спьяну,
Мол, солнце ты моё, звенящая заря!
И подвиг трудовой мне был по барабану,
А светлый путь страны – вообще до фонаря.

В ударники труда я не прошёл по списку,
Точнее, всё проспал – я рано поутру
Лариске доставал из фантика ириску —
С похмелья, под сосной, в Серебряном Бору.

Стихи про мавзолей, про Ленинские Горки
У сверстников моих крутились в голове,
А я привержен был к портвейну «три семёрки»,
«Алжирское» лакал за рубль двадцать две!

Я в тему не вошёл, в чем фишка Первомая,
И что там учудил диктатор Пиночет.
С Лариской под луной в беседке выпивая,
Я так и не узнал, за нас он или нет.

Какие кренделя, какие я коленца
Выдывал тогда, я даже не пришёл
На общий сбор – клеймить врага и отщепенца, —
Того, в больших очках, что бомбу изобрёл.

Они там с бодуна жужжали, словно мухи,
Родной рабочий класс с трибуны горло драл,
А я в тот самый час за столиком в пивнухе
Амура со стрелой Лариске рисовал.

Я слушать не хотел комсорга-балабола —
Кто любит, тот уже не полный идиот!
Я Пушкина читать пытался для прикола,
Не ясно ни черта, но за душу берёт!

Да-да, иных уж нет. Санёк, дружище, где ты?
Ты кто? Ты наше всё! Теперь иной расклад —
Властители умов – советские поэты —
За бабки по щелчку с восторгом шестерят!

Ну ладно, пошумят, и всё, и в Лету канут,
А я, хоть не Шекспир, но тоже рифмовал —
Для храбрости махнув с соседом по стакану,
Лариске день и ночь сонеты вслух читал!

Она простила мне отдельные изъяны,
Мол, вижу, вот те крест, души твоей разбег,
Не все вокруг меня козлы и обезьяны,
Я знаю: есть один нормальный человек!

Её комсорг увел. Ей век не видеть воли!
А мне в строю стоять – ей-Богу, запаadlo!
Я выпил. Я люблю. Друзья, чего же боле?
И соловьи поют, и на душе светло!

1999

«Люди едут в далёкие дали...»

Люди едут в далёкие дали,
Поезд птицей летит на восток,
Конвоир у окошка печален,
Сероглазый простой паренёк.

И вокруг ледяная равнина,
И луна холодна, высока,
Хоть с верёвкой лезь на осину,
Вот такая на сердце тоска!

Девки машут с перрона руками:
«Эй, давай, на ходу соскочи,
Мы накормим тебя пирогами,
Спать положим на тёплой печи!

Чаю выпьем с малиной из блюда,
Пусть шумит в чистом поле камыш,
Пусть они все к чертям разбегутся,
Те, кого ты с ружьём сторожишь!»

Он бросает монетку на счастье:
«Эх, остаться б, да путь мой далёк,
Надо мчаться, и мчаться, и мчаться
На восток, на восток, на восток!»

Рыжий чуб – как костёр из-под шапки,
Девки машут, глядят на него:
«Эх, не будет ни мамки, ни папки,
Ни тебя и ни нас, никого,

Ни рассвета, ни звонкого смеха,
Только туча – как чёрный сапог,
Если ты, как дурак, будешь ехать
На восток, на восток, на восток!»

Вот и скрылось за ёлками солнце,
И рычит паровоз, как бульдог,
И несётся, несётся, несётся
На восток, на восток, на восток...

1985

«Мне любые дела по плечу...»

Мне любые дела по плечу.
Мне великая сила дана:
Стопку принял – и к девкам на крыльях лечу,
А иначе мне крышка, хана!
Я с восьмого стакана впадаю в экстаз,
Мне любви подавай – много, здесь и сейчас!
Я к Тamarке пришёл с бодуна.

Я с ума её родичей свёл.
Я по отчеству их величал.
А с утра, что и как я по пьянке наплёл,
Ни концов не найти, ни начал.
И брательник, и батя её, и племяш
Мне кричат: «Молодец, что проспался! Ты наш!
Вот и делай, чего обещал!»

Это финиш, ребята, конец.
Я своё огребаю сполна.
И уже, вон, снимает фотограф-подлец,
Как я в ЗАГСе стою с бодуна.
Мне на свадьбе селёдку суют прямо в пасть,
Не дают мне ни в спячку, ни в обморок впасть,
Бьют по рёбрам: «Держись, старина!»

Вот и новая жизнь, новый дом.
Мне положено нынче и впредь
Сериалы за круглым семейным столом
Про влюблённых дебилов смотреть.
Старый бравый полкан, отставник в галифе —
Тесть в районе торшера сидит подшофе,
Что-то хочет душевное спеть.

Дождь осенний прошёл стороной.
У Тamarки на сердце весна.
Теща с битой бейсбольной стоит надо мной:
Мол, хлебай своё счастье до дна!
Я в него улетел, как бульдозер в кювет.
Нет, ребята, не надо – таков мой совет —
В гости к бабам ходить с бодуна...

2001

«Он тащится чуть не волоком...»

Он тащится чуть не волоком
К тебе под конец гульбы.
Звонок по мозгам – как колокол,
Как звук боевой трубы.

За окнами – тьма бездонная,
Дома и деревья спят.
И ты открываешь, сонная,
Уже десять лет подряд.

С наломанной наспех вербою
Он на пол желает сесть.
Ещё не допили первую,
А он начинает лезть.

А он: «Да я на минуту лишь».
Ты шепчешь: «Постой чуть-чуть»,
И плечи во что-то кутаешь,
И ставишь на стол свечу.

Он режет лимон по-скорому,
Шампанское в рюмки льёт,
Цветы отвернулись в сторону,
И дождь по стеклу скребёт,

Мол, пусть он закусит влѣгкую,
Хлеб-соль завернёт в кашне
И катится в даль далѣкую
К любимой своей жене.

Глазами глядишь печальными,
Прогнать его нету сил.
Ты помнишь, как он под пальмами
Тебя на руках носил,

Как вы у причала падали
На мокрый песок плашмя,
И волны по гривам гладили.
И вечность уже прошла...

Он утром, как горький пьяница,
Лицо кулаками трёт.
Впотьмах к телефону тянется,
Кому-то чего-то врёт.

Ему хоть бы хны, похмельному.
Ты к стенке отводишь взгляд.
И кофе несешь в постель ему
Уже десять лет подряд...

1997

Песнь о любви и труде

Я очень люблю роман в стихах «Евгений Онегин» А. Пушкина. По ходу жизни я много раз к нему возвращался – перечитывал, думал о его героях, о том времени и т. д. Девяностые годы двадцатого века подарили много сюжетов любому пишущему человеку, мне в том числе. Некоторые события из жизни моих знакомых удивительным образом напомнили мне «Евгения Онегина» – на то она, считаю, и классика, чтобы время от времени становиться предельно актуальной. Меня не очень устраивают расклады, когда некоторые мои земляки (Онегин и Ленский, например) начинают ни с того ни с сего впадать в неправильное, на мой взгляд, состояние – см. финал пушкинского романа. Я написал произведение с более оптимистической концовкой. Совпадения имён моих героев с именами пушкинских персонажей носят довольно случайный характер.

Жанр моего произведения я определил как «песнь». Песней это не назовешь – не бывает таких длинных песен. Стихотворением тоже не назовешь. Мне и слово «поэма» не нравится в данном случае, а песнь – это когда хоть пой, хоть рассказывай столько времени, сколько хочешь, и ничего, нормально.

1

Ну, что тебе сказать, мой друг читатель? —
Что полон я по-прежнему огня
И что ещё не создан выключатель,
Который может выключить меня.

Во сне, и на ходу, и днём, и ночью
Я сочиняю песни о любви, —
Как будто вечный двигатель – точь-в-точь я, —
Попробуй ты меня останови!

Никто и не пытается, чего там?
Такое нынче времечко пришло, —
Стихи читать – как бегать по болотам —
Тоскливо людям, трудно, тяжело.

При численном глобальном перевесе
Тех, кто и букв не в силах распознать,
Народу я едва ли интересен —
На кой им хрен поэзию читать?

Обычно на всю голову контужен
Народ, который знает, что к чему,
И на простой вопрос: «Кому ты нужен?»
Я сам же и отвечаю: «Никому» —

На первый взгляд, конечно. На второй же
Картина будет несколько другой,
Об этом речь пойдёт немного позже.

Ты потерпи, читатель дорогой.

Мне прошлая пора в который раз идёт на ум —
Эх, годы шли, катились – так и сяк, шурум-бурум, —
Пешочком ли, под горку кувырком ли.
Я песнь про эту пору сочинил, нашёл слова.
Друзья! Я расскажу вам всё, как было, но сперва
Со списком персонажей ознакомлю.

Женька – старый приятель мой, – нет, не Онегин,
Что у Пушкина в книжке, но жизнь говорит:
Если с бегом сравнить её, он в этом беге,
Хоть хромой, хоть какой, но всегда фаворит.

Вовка – тоже герой мой. Как в море подлодка,
Он таинственный весь – с целью девок завлечь! —
Ну, а так – наш обычный советский Володька,
Правда, тоже, как Ленский, с кудрями до плеч.

Кто ещё? Две блондинки – Танюха и Ольга,
Здесь покажут они, что такое любить,
Ими будет такая исполнена полька,
Что кому, как не им, героинями быть?

Ну, и Пушкин. Кому это имя знакомо,
Тот со мной согласится – куда без него?
Кто он есть? Наше всё! Значит, он по-любому
Был и будет всегда элементом всего.

2

Короче, тут история такая:
Мы в ВУЗе были верные друзья,
На лекциях всегда сидели с края —
Танюха, Женька, Ольга, Вовка, я.

Ещё там были Славка и Валерка,
И рыжая, забыл уже, как звать, —
Тамарка? Нет, не факт, скорее, Верка,
И балаболка Нинка – ей под стать.

Учились мы, конечно, не особо,
Зато была гулянка – высший класс!
Какая, братцы, к чёрту, там, учёба,
Когда весна с ума сводила нас!

Да и зима, и лето – всё сводило!

Любимый ВУЗ устал от нас рыдать,
Нас карусель такая закрутила,
Что и словами тут не передать.

Я до сих пор, едва бокал наполню,
Давай орать: «Прекрасен наш союз!»,
При этом, если честно, слабо помню,
Как назывался этот самый ВУЗ.

Застой страны кому-то был противен,
А мы в упор не видели его,
И то, что Пентагон был агрессивен,
Из нас не колыхало никого.

Я помню: скверик, ливень – отморозок, буйный псих,
И мы под ним танцуем. В деканате нас таких
Терпели долго – полтора семестра.
Я был отчислен первым – заводила, дирижёр, —
В то время Веркин, Нинкин, да и Олькин ухажёр, —
Пошёл-ка ты отседова, маэстро!

Я пошёл, только мы всё равно тусовались,
Жизнь кипела вовсю, вермут лился рекой!
Помню, синие звёзды в реке отражались,
Это в парке пикник у нас вышел такой.

Женька в воду холодную шлёпнулся брюхом,
Типа, как бы, он вот он – смельчак, не слабак.
И хромого зайчонка с надкушенным ухом
Он в тот вечер отбил от бродячих собак.

Танька в оба глядела: «С такими-то знаться
Я не против как раз», – и на тесную связь —
Курс на Женьку взяла, и дрожащего зайца
Забрала и выхаживать дома взялась.

Всех она прогнала ухажёров залётных,
Только Женька для зайца морковь покупал, —
Под эгидой прокорма домашних животных
Он Танюху теперь каждый день навещал.

3

А мы постичь нюансы не пытались,
Кому из нас кто голову кружил.
Мы с Нинкой окончательно расстались,
А Вовка глаз на Ольгу положил.

Родной Совок скрипел, как старый тополь,
Народ – не то, чтоб трезвый, как стекло,
Но всё же к коммунизму бодро топал,
У Вовки с Ольгой тоже дело шло.

Конечно, мы до чёртиков допились,
В ментовке даже встретили рассвет,
Когда они в итоге поженились.
Нам было всем тогда по двадцать лет.

Мы не считали пьянку верхней планкой, —
У касс всю ночь стояли до утра,
Билеты добывая на «Таганку»,
На слётах песни пели у костра.

Я, что-то спутав, сам орал, поддатый,
Каким-то силам вражеским грозя:
«Пока она, мол, вертится, земля-то,
Возьмёмся, типа, за руки, друзья!»

Ну что тут скажешь? Жизнь была прекрасна!
Пожалуй, я тогда поэтом стал,
И не сказать, чтоб так уж ежечасно,
Но ежедневно Пушкина читал —

Не то, чтоб я учился – я и сам мог всех учить —
Так думал я в то время – как стихи писать, как жить,
И к Женьке с Танькой в гости заявлялся,
Я Пушкина читал им, да и раннего себя,
Молчать в тени титанов, тихо в тряпочку сопя,
Я, Бог меня простит, не собирался.

Не сказать, чтобы так уж ко всем недотрогам
Женька ключ мог найти, а к Танюхе сумел.
А ещё они зайца прозвали Ван-Гогом —
Был такой, тоже с ухом проблемы имел.

Что за ключ? Так себе. Раз в неделю за плечи
Таньку мог приобнять он, и всё, и сиди!
«Я культурная, Жень, сделай шаг мне навстречу,
По музеям сначала меня поводи!»

Я, вообще-то, из тех, кто Бетховена, Брамса
Может слушать часами в течение дня.
Я тебе, так и быть, в полном смысле отдамся,
Если внутренний мир твой устроит меня!»

Он её вывозил на природу родную.

«Храмы, Русь, красотища, гляди, нету слов!» —
Он шептал ей, и в книжку свою записную
Заносил с умным видом размер куполов.

4

Он даже глубже удочку забросил,
Он пригласил Танюху под Рязань
На фестиваль фольклора и ремёсел,
В какую-то лесную глухомань.

Там местные умельцы из соломы
Связали Таньке зайца на заказ,
Чтоб веселей жилось тому, другому,
Которого когда-то Женька спас.

Она там от упадка излечилась,
Превозмогла в душе тоску и дрожь,
Плясать под балалайку научилась
Хоть «Барыню», хоть всё, чего ты хошь!

Профессорша в притопах и прихлопах,
Она потом впадала в буйный гнев:
«Они там бездуховные в Европах! —
Кричала нам, от водки одурев, —

Деньгу-то загребает, так уж вышло,
Любой поющий в телеке герой,
Но нету ни мелодии, ни смысла
В культуре ихней западной гнилой!»

Она вокруг осматривалась зорко:
Тут до хрена просторов-то родных!
Не надо нам Парижев и Нью-Йорков
И Лондонов не надо никаких!

И, как цветок на стебле, у Танюхи голова
Тряслась. Женёк поддакивал: «Танюха, ты права,
Высокий слог и стиль не по плечу им!
У них культур-мультиур – сплошной осадок и отстой,
У нас же всё великое – и Пушкин, и Толстой!
Танюх, ну что мы врозь-то всё ночуем?!»

И Танюха сдалась. Свадьбу скромно сыграли.
Так же скромно прожили потом десять лет
В коммуналке с клопами – ну, хоть не в подвале.
Вроде всё ничего. Жаль, детей только нет.

И ба-бах! – вот они, девяностые годы!
Женька сразу смекнул: это время – его!
Он напрасно не стал ждать у моря погоды,
Женька сам себе клич сочинил боевой:

Ать-два-три! Шагом марш! Не бояться! Не падать!
Он терзал всех подряд: «Я вам твёрдо скажу:
То, что я предназначен для первого ряда,
Для великих побед – это ясно ежу!»

Надо честно признать: основания были
У него, как казалось нам, гнать лабуду:
Он сумел – результаты потом подтвердили —
Закрепиться всерьёз в этом первом ряду!

Он скупал по заводам цветные металлы,
А потом продавал. У него сверхчутьё,
Нюх на жизнь. Он сидел, водку пил, резал сало:
«Крупный опт – вот призвание в жизни моё!»

5

У Женьки был родной любимый дядя,
Он гнал на экспорт, смелый весь такой,
На мелочёвку разную не глядя,
Ресурсы, что хранятся под землёй.

Приверженец довольно честных правил,
Он, прежде чем покинуть этот мир,
Племянника в такую схему вставил,
Что Женька стал транжирой из транжир.

Насчёт «покинул мир» всё было просто —
Был взорван за рулём в единый миг,
А так прожил бы лет до девяноста —
Хоть пожилой, но крепкий был мужик.

Транжирил Женька так, что по приколу
В Париж на сутки, просто почудить,
Тайком от Таньки, бодрый и весёлый,
Красавиц штук пятнадцать мог свозить.

Танюха, выпив, шлёпала губами:
«Ну это же вот прямо в аккурат,
Что где-то механизмы с рычагами
Какие-то там скважины бурят!»

И мне с любимым мужем ой, не мало
Идёт, идёт копеечка-то в плюс,
Я эту нефть ни разу не видала,
А уж который год с неё кормлюсь!»

Но вот меж позвонков какой-то странный сквознячок
Пошёл гулять у Женьки, что-то горек коньячок,
И кислыват лимон, и для начала
Какие-то звонки не очень ясные пошли,
И вот уже три офиса синхронно подождгли
Ему, чтобы охрана не скучала.

Словно град, и наезды пошли, и проверки.
Как-то, глядя в окно в поднебесную высь,
Он сигнал получил от ментов, от Валерки,
С кем он в ВУЗе учился: «Женёк, берегись!

Ты в открытом бою обречён, если кратко.
Закошмарят тебя, будешь гол, как сокол».
Я на кухне сидел, как всегда, над тетрадкой,
Когда Женька ко мне за советом пришёл.

Он сказал: «Вот и время разбрасывать камни,
Золотишко, валюту – запасец-то есть —
По ячейкам по банковским. Слушай, куда мне,
Где, в какую берлогу поглубже залезть?»

Мол, хочу, где тепло, где свистит свежий ветер,
Где прозрачная синяя в море вода.
Может, в Штаты рвануть?» «Может быть – я ответил, —
На галеры, на каторгу – это туда».

6

Мне письма слали русские ребята
Из Калифорний разных, Аризон:
«Как хорошо, что мы давно когда-то
Решили заглянуть за горизонт!

Мы чётко и конкретно полагали,
Что есть такие райские места —
С бесплатными почти что пирогами,
И что американская мечта —

Она не призрак где-то там в тумане,
Не белый парус в море голубом —

Сомнительный, приснившийся по пьяни, —
Что есть она! И сразу же – облом.

У нас резон-то был хорош ли, плох ли,
Он и сейчас ещё немного есть:
То, что у нас в ГУЛАГах деды дохли —
На новом месте в плюс нельзя зачесть?

Ну, как бы бонус в виде благородства
Нам дать. И тут же дали – от души —
Орудия и средства производства,
И то в аренду: действуй, сей, паши!

Мы не поём, как раньше, и не пляшем,
Когда хотим. А, чуть пришёл рассвет,
Встаём и пашем, пашем, пашем, пашем,
А рая-то всё нет, и нет, и нет!»

Короче, как там в Штатах в смысле рая и вообще,
Я от ребят узнал – структуру жизни, суть вещей, —
Примерно разобрался в этой кухне, —
И что под райским солнцем там не так уж много мест,
А кто пахать не хочет день и ночь – тот мало ест,
Но как-то всё же с голоду не пухнет.

В общем, жёстко там всё. Для меня это благо.
Если жизнь – это спорт, мне оно в самый раз.
Я бы мог бы туда соскочить без напряжения,
Только с русскими пить всё же лучше у нас.

Я писатель, поэт, но ума не лишился, —
Пальцы сильно не гну, в этом фишка моя, —
С речью русской, родной я навек подружился,
У меня с ней альянс. Где она, там и я.

А вот Женька тогда применил силу духа,
Перед рейсом за час смог билеты купить,
Он Танюхе сказал: «Едем в Лондон, Танюха!
Вот где лучше всего водку с русскими пить!»

То есть он тоже прав. Не вопрос, так бывает, —
У него к землякам свой особый подход:
С теми пить хорошо, кто деньги загребает,
Кто в чужой стороне миллионы куёт!

Иллюзиями Женька не питался,
А он фундамент выстроил, задел:
Он сразу к ним в компанию вписался,
Как только с Танькой в Лондон прилетел.

И очень скоро в плане уважухи
Он подарить такое возмечтал
Любимой, дорогой своей Танюхе,
Чего никто доселе не видал.

Танюха по утрам пекла оладьи,
А он, такой шутник и балагур,
С мадам Тюссо хотел вопрос уладить
Насчёт музея восковых фигур —

Чтоб Танькину поставили стату́ ю
На зависть всем красавицам Земли
К какому-бы-нибудь Черчиллю вплотную
И лампу на неё бы навели!

Есть в каждой шутке денежная доля,
С ней точно веселей идут дела,
А без неё и жизнь – как суп без соли,
Но здесь такая мулька не прошла.

Короче, ни в одном музейном зале
Танюхи нет, и Женька изумлён,
Что деньги, крупный куш, с него не взяли,
И что вопрос остался не решён.

«Прокол. Прости, Танюха», – он канючит, а в ответ:
«Реши вопрос, нажми на них! Мужик ты или нет?
Исполни своё фирменное соло —
«Лимон» добавь, другой, а то скажите-ка – Тюссо!
Я что – от «Жигулей» тебе, от «Волги» колесо?
Я не хочу быть жертвою прокола!»

«Это как понимать, что всё это такое?» —
Женька мозг активировал, ум подключил, —
Он спонтанно подёргал холёной щекою
И, тихонечко крякнув, ответ получил.

Не от Таньки, конечно, чего её слушать?
Сердце Женьке шепнуло, что вся их любовь
Не разохлась ещё, словно лодка на суше,
Но уже с ней сам чёрт понаделал делов! —

Покорёжил, помял – не до смерти, конечно.
Женька, пьяный, орёт, неизвестно кому:

«Может, я и скончаюсь от раны сердечной,
Но «лимонов» так триста сперва подниму!»

«А чего не поднять? Я б с тобой попытался!
Чем одна, лучше всё-таки две головы!» —
Чей-то голос однажды в эфире раздался.
Это Вовка приехал к нему из Москвы.

8

И вот они друг дружку для разминки
Подначивают: Танька, Ольга как?
Подтекст один: блондинки есть блондинки!
Присели. Закусь. Музыка. Коньяк.

У Вовки план: «Женёк, тут лёгкий шорох
Прошёл, что неплохая ребятня
С тобой Вась-Вась, что всё у них в оффшорах, —
Там нету белых пятен для меня!

Там даже серых нет, там всё в тумане,
Но я в нём нахожу свои пути,
Хожу по острию, по самой грани.
Я лучший. Можно справки навести.

Гони их всех ко мне, как носорогов
На водопой, где пьют от пуза, впрок.
Я им оптимизацию налогов
Поставлю на конвейер, на поток!»

Все формулы для понту, для блезиру
Володька черкнул за пять минут
И получил добро: «Оптимизируй!
Но не шути с огнём. Дупли пойдут!»

У Женьки тоже страсть была к оффшорам.
Он Вовку в этой части лично, сам
Назначил управляющим партнёром.
Доходы – «фифти-фифти», пополам.

И понеслась, и Вовкина кликуха, как пароль
Теперь для многих стала. Он и вправду – как король
В той самой схемотехнике, в нюансах,
В оттенках, без которых суть, основа бытия
Мертва. И перед Вовкой даже самые графья
Привыкли рассыпаться в реверансах.

Бизнес выстрелил так, что другим и не снилось.
Женька Вовкин отчёт за полгода прочёл.
Вечер. В небо звезда, как заноза, вонзилась.
Женька в гости к Владимиру, к другу пришёл.

Плащ и шляпу не снял, помолчал напряжённо,
(Вовка резал кинзу и гуся потрошил):
«Знаешь, Вов, не сердись. Вот тебе «поллимона».
Доли нет твоей. Продана. Я так решил.

Ты не думай, что друг твой такая уж сука.
Жизнь – как море. Всегда тебя будет топить
Тот, который сильнее. Много будешь сюсюкать —
То и рому тебе за победу не пить».

Вовка пальцами хрустнул: «Давай покороче» —
Женьке рому плеснул от души, через край
И сказал ему: «Понято. Делай, что хочешь.
Я услышал тебя. Будь здоров. Не чихай».

9

За тыщу вёрст, за тридевять земель я
От Лондона в то время проживал,
Но знал: Танюху глючит от безделья, —
Что ни психоз у ней – девятый вал!

И кто-то её, дуру, надоумил:
А ты на арфе выучись играть!
Женёк, вон, весь при галстукe, в костюме,
Чего бы и тебе не щеголять —

Вот так бы вот лебёдушкой вплывала
В шелках, с красивым пледом на плечах
И для гостей почётных исполняла
Фрагменты из рапсодий при свечах!

Женёк упёрся: только на рояле!
При нём душа несётся прямо в рай,
Там даже две железные педали,
Как «газ» и тормоз, вот и изучай!

Ну, что ж, братан, когда ты звезданутый,
Дела твои, хоть кем бы ты ни был,
Пойдут под горку ровно с той минуты,
Когда ты бабе арфу не купил.

Ну, хоть бы флейту, или уж, для кучи,
Какие-нибудь шахматы, лото,
Но лучше арфу, это всё же круче,
Там струн одних – штук двести или сто.

Спросила Танька: «Можно, я учителя найму
По этому роялю, чтоб как надо, по уму
Мне разбирать мажоры и бемоли?»
Как снег, с его сигары падал пепел на паркет.
И он сказал: «Оплатим. Нанимай. Базара нет, —
Раз надо. Мы чего, не люди, что ли?»

Чтоб октавы освоить, крещендо, бельканто —
Дребузную эту всю, Танька, хлопнув бокал
С гаммой нежных добавок, нашла музыканта —
Педагога со стажем, как сам он сказал.

Он её как-то странно учил поначалу:
Посидит-посидит, в небо глядя, и – шмяк
Кулаками по клавишам! Танька молчала,
Восхищённо застыв: «Ну и ну! Мне бы так!»

«Кое-где мне не рады, сказал он, – зато я
Искру высечь из клавиш могу без труда.
Скрипки, арфы там всякие – дело пустое,
Там экспрессии нет. Вот рояль – это да!

Долбанёшь по октаве, и сразу же – кстати —
Звуки музыки в сердце летят вроде стрел!
Авангард – вот наш путь!» Таньке в ходе занятий
Стало даже казаться, что Брамс устарел!

10

Я песню уважаю «Три танкиста»
И даже иногда её пою.
Романтиков и всяких футуристов
Я с неохотой как-то признаю.

Обычный я простой российский парень,
Чужды мне романтизм и постмодерн.
А также я не Пушкин и не Байрон,
И даже, извините, не Жюль Верн.

Я реалист – исконный, полновесный,
С приставкой «сюр», с характером бойца.
(А постмодерн я, братцы, если честно,

Приплёл сюда для красного словца).

За что я бьюсь? Чтоб никакого сюрра
Не лезло в наши мысли и дела,
Чтоб на нормальный мир карикатура
Сама своею жизнью не жила.

Но ведь живёт. Танюха на рояле
Могла такие звуки издавать,
Что повар, врач, садовник – все мечтали
Куда-нибудь к Ла-Маншу убежать.

И Женька даже, рядом где-то, возле,
Гуляя и всё это услышав,
Неладное чего-то заподозрил
Насчёт там в плане игрищ и забав.

У Женьки на уме всегда одно – учёт-контроль,
Он поглядеть решил на них, какая там бемоль, —
Стремительно влетел, не сняв ботинок, —
Они сидят, глазуют на вечернюю зарю,
Нормально вроде всё. Но я недаром говорю:
Нельзя недооценивать блондинок!

Я скажу, что без баб всё вообще вкривь и вкось бы
Шло у нас, кто живёт, чтобы делать дела.
К Таньке, вон, педагог с предложением, просьбой
Обратился. И Танька согласие дала.

Тут вопрос по сравнению с вечностью мелок —
Да всего-то она каждый вечер в тетрадь
Начала все подробности Женькиных сделок —
Всё, что он говорил, все детали писать —

Векселя-шмекселя, суть, специфику займов,
Варианты вложений на все времена, —
И в беседке на фоне ландшафтных дизайнов
Педагогу всё это сливала она.

«Это ж клад, – он шептал, – авангардная тема,
Я шедевр сочиню по мотивам её —
Ораторию, как бы, такую, поэму».
Он не врал. Мы ещё тут услышим её.

11

Дела у Женьки шли как будто в гору в гору,

Он счёт заводам, банкам потерял,
Компаниям, которыми в ту пору
Один наёмный гений управлял.

Фамилия его вам мало скажет.
Пусть будет Джон. Он дело туго знал.
Слияния, покупки и продажи
Шли, как по маслу. Бизнес процветал.

Я про него не сразу догадался,
Что значат ум, талант и зоркий глаз.
Он в этом масле, словно сыр, катался.
Об этом, впрочем, после, не сейчас.

Женёк себя держал немного странно:
Он с Танькой вежлив, нежен, ласков был,
Но всё же иногда включал тирана —
Побудку на рассвете ей трубил!

Он по траве газона, вкруговую,
Кнутом – для пользы дела, не со зла
Гонял её, как лошадь беговую —
Сжигал жиры, чтоб стройная была!

Мол, тут неподалёку, по соседству,
Миллионеры разные живут,
Давай-ка ты, Танюха, соответствуй!
Блистай, когда нас в гости позовут!

Он Таньке на компьютере калории считал,
Он по три дня из сауны её не выпускал,
Он сам с ней марафон поплыл по морю,
Но, правда, сразу вылез – что-то там ему свело.
Он говорил, что в бабе худоба – залог всего.
Вот тут я, скромный автор, с ним поспорю!

Как-то больше я к полным в душе тяготею,
Мне худые красотки сто лет не нужны,
У кого начинаются ноги от шеи —
Две прямые оглобли предельной длины.

Уважаю упитанных верных подружек
И мечтаю для них жизнь такую создать,
Чтоб побольше они кренделей и ватрушек
Успевали в обед за столом поедать.

Ладно, к Женьке вернёмся. Стремительный, резкий, —
Я б сравнил его, дьявола, с горной рекой,
Он однажды домой из успешной поездки

Заявился под утро, довольный такой.

«Эй, Танюха! – кричит он, – налей, что покрепче!
Я с китайцами новый контракт подписал!
Я теперь – о-го-го! Что-то в ухо мне шепчет,
Что теперь я вообще главным в Англии стал!»

12

Но что-то тихо в доме, нет Танюхи.
Рояль молчит, никто не жмёт на «газ».
Да и камин как будто бы не в духе —
Без спроса, сволочь, взял, да и погас!

«Ау! Ты где, любимая, родная?
Сюда иди!» Молчанье. Тишина.
У Женьки – первый шок. Он точно знает
Лишь то, что он не знает ни хрена.

Луна в окне завяла, как редиска,
Амур из бронзы съёжился в углу,
А на журнальном столике – записка:
«Евгений, я Вас больше не люблю!»

А дальше там, в записке, суть такая:
Ты без меня куда-нибудь вперёд
Лети, мой ясный сокол, а пока я
Бумаги подготовлю на развод!

Как спятившая буйная кобыла,
У Женьки сердце прыгает в груди.
«Не верю! Сон! – он бьёт себя по рылу, —
Постой, Танюха, где ты, подожди!»

Никто не хочет ждать по той причине,
Что никого нигде и близко нет.
Что было – сплыло, кануло в пучину,
Ну, в смысле, от любви простыл и след.

Потом была бодяга – он развода не давал,
Но развели – как пулю сразили наповал,
А что – ему полезно отлежаться.
С Танюхи спесь слетела, словно с бабочки пыльца,
От долгой битвы. Что ж, она готова до конца
Во имя справедливости сражаться!

Танька иск подала по разделу налички

(Крупных сумм), яхт, машин, там хватает всего —
Те же виллы, земля, – мой Женёк с непривычки
Синим стал, как узнал, что хотят от него.

Вместо сладких свиданий под сенью черёмух
Танька выбрала новый, особенный путь —
Только Женьку завидит у общих знакомых,
Сразу в сердце его хочет вилкой пырнуть!

Грохот, шум от неё, как от минных разрывов:
«Я тебя, подлеца, на куски разорву,
Отыму у тебя всю структуру активов,
С голым задом обратно поедешь в Москву!»

В общем, суд на носу. Женьке умные люди
Подсказали: «Смотри, будь не просто готов,
А готов на все сто. Здесь чудно у нас судят,
Могут всё отобрать до последних штанов!»

13

Хоть я уже свободный был скиталец,
Друзья и даже бывшие враги
Ко мне по старой памяти кидались:
«Серёга! Пропадаем! Помоги!»

Я классным был юристом, что скрывать-то? —
Давным-давно, и Женька это знал,
И в Лондон, побеседовать приватно
Он во дворец к себе меня позвал.

И вот сидит он – новый русский барин, —
Простой, как пень, конкретика в крови:
«Браток, спасай, я буду благодарен!
Любые бабки, только назови!»

И я сказал: «Осёл ты лопухий,
Без бабок я, во имя прошлых лет,
За ради развесёлой той житухи
Сумею – помогу, а нет – так нет».

И, закусив текилу авокадо,
Я расхрабрился: «Женька, я готов!
Но ты своих английских адвокатов
Не сбрасывай пока что со счетов.

Я в здешнем праве, в общем-то, не шарю,

Но знаю, куда стрелки перевести.
Я там факультативно побазарю,
В высоком их суде. Мыслишка есть».

Я поутру к Танюхе: сколько лет, мол, как дела?
Она мне: «Ты от Женьки? – и на кухню провела, —
Ну, что ж, привет! Слыхал, как я восстала?»
Я что-то там провякал: мир, любовь, союз сердец;
Она мне: «Ты не вякай, всё равно ему конец»,
И лекцию за чаем прочитала:

«Мы, блондинки – сверхженщины, что тут такого?
Белокурые бестии – вот кто мы есть!
На лопатки положим, завалим любого,
Если он нам мешает, как яблоням, цвесь!»

Я ей: «Танька, очнись, вот ты иск ему влупишь,
Чтобы после всю жизнь валерьянку глотать,
Ты ж любила его, и сейчас ещё любишь,
На хрена тебе по миру Женьку пускать?»

«Да, люблю – был ответ, – и чего, ради Бога! —
Хоть на месте меня из ружья застрели,
Сто «лимонов» хочу! Это ж фунты, Серёга!
Фунты стерлингов, слышь, а не наши рубли!»

А ещё, говорят, самый главный и важный —
Тот, кто рулит пакетами ценных бумаг,
Я и буду рулить этой хренью бумажной!
Есть, кому подсказать, где какой сделать шаг!»

14

И вот он, суд. Танюха выступает:
«Я сразу общий тренд хочу задать:
Про то, что я такая уж тупая,
Ошибкой будет с ходу утверждать!»

Мой бывший – что ответчик, вон, который,
Меня в далёкой жизни где-то там
Ещё в России с целью кругозора
Возил по историческим местам!

Я там в столовке кашей отравилась,
Мне ветер из причёски вырвал прядь,
Меня там мог сразить простудный вирус,
И вредный клещ вполне бы мог сожрать!

А здесь он композитора Вивальди
На арфе мне сыграть гостям не дал.
Я в полутьме, на мраморной веранде
В экстаз бы их вводила и в астрал!

Вот так, глядишь, судьба б миллиардера
Мне б за труды в награду и дала,
А дальше, побори его холера, —
Наследство, виллы, яхты, все дела!»

Уже от смеха публика давилась —
Зеваки на галёрке, на задах,
И, кажется, заметно удивилась
Судья – седая тётечка в годах.

Я много лет спустя из Википедии узнал,
Что дед её копал на Крайнем Севере канал —
У нас, а точно где – никто не знает,
А бабка с войском Врангеля покинула страну
В двадцатом, гимназисткой, и поныне, ну и ну,
Жива и мемуары сочиняет!

Вот она ещё раз вскользь на Таньку взглянула,
Мол, забудь я тот факт хоть на пару минут,
Что бабуля моя тоже к нам драпанула,
Я б сказала вам всем: «Понаехали тут!»

Месяц в небе блестел, словно сабля без ножен,
За окном догорал над рекою закат,
Я смотрел на судью – как-то был растревожен,
Полз по швам понятийный её аппарат.

«Сволочь! Гад! – продолжала солировать Танька, —
Он влетел метеором на мой небосклон,
Сквозанул напрямик наподобие танка!
Это я метеор! Я главнее, чем он!

Да, была у нас крепкая смычка и связка, —
Словно клюв и крыло, словно молот и серп,
Были мы заодно, но закончилась сказка, —
Пусть ответит, подлец, за моральный ущерб!»

15

Ну, что тут скажешь? Ничего не скажешь —
Тяжёлый случай. Клиника. Кошмар.

И ничего тут против не докажешь,
И не подточит нос любой комар.

Я смелый был в тот миг, лихой, рисковый, —
Я в пабе-то отметился с утра, —
«Прошу Вас, Ваша честь, имею слово!
У Вас тут хрень и полная мура!»

Меня как будто ветром с ног сбивает.
Стою, волнуясь, колотун внутри.
Мне дали слово, чудеса бывают:
«Ну что? Назвался груздем – говори!»

И я сказал, что честь всего дороже,
Что без любви нам, русским, свет не мил,
И что в России сразу бьют по роже
Тому, кто про понятия забыл.

Судьба нас дома месит, словно глину,
И даже поднимает на ножи,
Но если ты уж родину покинул,
Держи, как говорится, хрен во ржи!

«Россию не позорь! Да-да, Танюха,
Покровку, Патриаршие Пруды —
Чего ты здесь жужжишь-то, словно муха,
Виляешь, как червяк, туды-сюды!»

Женёк, я это знаю, благородный человек,
Он полюбовно выпишет тебе нормальный чек,
Ну, и кончай высасывать из пальца
Проблемы, где их нет!» Я целый зал заморозил
Рассказом, как Женёк Танюхе голову вскружил,
Историей про наш пикник, про зайца.

«Господа, – я сказал, так не честно, ей-Богу,
На корню, сколько Танька теперь ни злословь,
Память, жизнь убивать, как таблеткой изжогу,
Всё за бабки продать – и мечты, и любовь!»

Да, ей Женька какое-то там пианино
Подарил вместо арфы. Не спорю. Косяк.
И чего – расстрелять его, сукина сына?
Потопить его на хрен, как крейсер «Варяг»?

«Тут другие дела, – мне шестёрка ответил, —
Их уже развели, мол, уймись, идиот!»
«Не-не-не! – я сказал, – тут дела ровно эти —
То, что Танька за бабки любовь продаёт!»

Пусть я лохом кажусь, потому как не местный,
Но продажа любви – это полная жесьть.
Так с любовью нельзя, Ваша честь, так не честно!
Тут уж выбор стоит – честь Вы или не честь!»

16

И вот – вердикт. У Таньки даже челюсть
Едва не отвалилась: ну, дела!
Ей от активов Женьки – только четверть.
Она, признаться, бó льшего ждала.

Он вертится волчком: «Утрись, дурёха!»
Его всего от радости трясёт:
Три четверти – совсем не так уж плохо,
Он опасался, что отнимут всё!

Короче, он не зря, как бык, бодался,
Он вышел победителем в борьбе.
«Факир был пьян, и фокус не удался! —
Он прокричал Танюхе, – шиш тебе!»

Факир-то был как раз в отличной форме
И очень трезво видел этот мир,
Где он без лишних слов раскинул корни.
Я расскажу, какой такой факир.

Бывает, в час отчаянья на помощь
Приходит к нам подлец из подлецов.
Читатель, ты, конечно, Джона помнишь —
Доверенное Женькино лицо?

Намёк мой в этих строках обозначен
Небрежно так, легонько, наугад.
Он как-то не особенно прозрачен
И даже, я сказал бы, мутноват.

Всё скоро прояснится: Женька пил пятнадцать дней,
Танюха в этот раз сама пришпорила коней —
Продолжила свой главный поединок, —
Сгруппировала силы явно с целью победить.
Ребята, я хочу вас лишний раз предупредить:
Нельзя недооценивать блондинок!

Женька Джона зовёт: «Обратиться имею!
Небольшой такой нужен экспресс-аудит —

Что моё, а что нет, чем теперь я владею». —
«Не могу» — это Джон в телефон говорит.

Мол, никак не пойму, то ли язва открылась,
То ли, и это не блеф, не брехня,
Селезёнка, зараза, опять обострилась.
Ничего. Мой помощник заменит меня.

Он не то, чтобы там «бу-бу-бу, тары-бары»,
Он в подобных делах — зуб даю, высший сорт,
А меня теперь в Чехию, в Карловы Вары
Отправляют врачи на целебный курорт.

Вот помощник пришёл. Ну и ну, мать честная!
Это ж Танькин тот самый её педагог!
Женька встал у окна, свежий воздух глотая, —
Это боль, как кувалда, ударила в бок!

17

Вот тут я отвлекусь совсем немного,
Точнее, сколько надо, отвлекусь.
Был СССР, мы шли своей дорогой.
Как вспомню, так сто раз перекрещусь!

Со мной вели учёные беседы
Ночами напролёт, до забытья,
Мом друзья, литературоведы,
Такие же дебилы, как и я.

В чём дебилизм? Да в том, что в человека
Мы верили всем сердцем, горячо,
А тут — высокий суд, Танюха, Жека,
Грызня, базары, тёрки, что ещё?

Кидалово какое-то сплошное
Везде, где бабки. Танькин музыкант,
Точнее, мудозвон. А, впрочем, что я?
Ну, паялился он с Танькой на закат,

Ну, не умел смычком водить по скрипке
И даже нот на клавишах не знал,
К чему ворчать? У всех свои ошибки,
Я людям в жизни многое прощал.

И здесь мне как-то глупо и нелепо
Скрипеть на них, как старый табурет.

У всех свой путь. Свобода – это скрепа.
Без денег никакой свободы нет.

Но я скриплю, стараюсь кое-как себя держать.
А не выходит, братцы. Это как же так – отжать
У друга бизнес, да и самому же
На хитрую разводку, как на удочку, попасть?
Про Женьку, про него я – и кривить при этом пасть,
Криви, ори – кому ты, на хрен, нужен?

И хоть рожа у Женьки и вправду кривая,
Но разводки пока ещё как таковой
Не случилось. Однако она созревает.
Женька чувствует это загривком, спиной.

«Ладно, с банков начнём, – пробежимся, погнали, —
Их там три у меня», а помощник в ответ:
«Там слияние было, я помню детали,
Трёх в один, это значит, что двух уже нет».

Женька враз протрезвел: как-то дело погано!
«Ты скажи мне, а кто в этом банке глава?»
И запнулся помощник: «Да, в общем, Татьяна.
Пусть мозгами скрипит! – были Ваши слова.

Вы тогда ещё Джону с костяшками счёты
Приказали достать, чтобы Таню привлечь —
Приспособить её для масштабной работы,
Чтоб учить заодно иностранную речь».

18

«А что у нас с заводами, любезный?
Их у меня, я знаю, завались!»
Женёк ответ услышал, и над бездной,
Над пропастью как будто бы завис —

От ужаса, что клонится к закату,
Летит ко всем чертям его звезда!
Заводов больше нет – ушли куда-то,
Да в Танькин банк уплыли – вот куда!

Пыхтели потихоньку, и поди ты —
Какой-то там финансовый аврал!
Они залогом стали по кредитам.
Кредит просрочен. Банк залог забрал.

Де-юре никакой там Таньки нету,
Там люди Джона рулят – тесный блок! —
Куют большую звонкую монету —
Такие, как вот этот педагог!

Он говорит: «Вы сами поручили
Все доли в банках быстро обменять
На акции компаний где-то в Чили,
Чтоб концентрат там медный добывать.

Вот все бумаги». Злой, как волк в загоне,
Зарылся Женька в месиво таблиц,
В трясины чисел. Он примерно понял,
Какая тут сложилась группа лиц,

Какая птица-тройка всем стихиям поперёк
Летит напропалую – Джон, Танюха, педагог,
Который, вон, словами так и сыпет:
«У Вас долги, Евгений, то да сё, лимит затрат,
Так вышло, там у них не подтвердился концентрат.
Но жизнь идёт. За это можно выпить».

«Вы, Евгений, банкрот!» – он наглел понемногу.
Женька в горькой тоске, как в тягучем дыму,
Растворяясь, тонул. Он сказал педагогу:
«Ладно, можешь идти. Сам напьюсь на дому».

Вот врачи говорят, что от пьянства все беды.
«Это бред, – я отвечу, – поросший былём.
Всё путём, если, рюмку махнув за обедом,
Ты при этом башку не роняешь в бульон».

Вот Онегин – он пил каждый день по бутылке
(Пусть не водку, вино) – кто не верит, прочти.
А в завязке бы был – до Сибири, до ссылки
Только так с декабристами мог бы дойти.

Вот и Женька лимонов нарезал на блюде, —
Чтоб делов не наделать, бутылку открыл:
«А ведь верил я им, надо ж так лохануться!
Да уж лучше б в Россию давно бы свинтил!»

19

Прошло пять дней. Он всё ещё поддатый,
Он за дубовым письменным столом
Сидит, как Герцен в Лондоне когда-то,

И книгу пишет – «Думы о былом».

«Куда, куда ты, друг мой, Вовка, сгинул, —
Какой-то в нём звучит глухой гудок, —
Напрасно я тебя на бабки кинул!
К чему лукавить? Это был кидок!

Ты, может, в экономике и слабый,
Ну хоть бы уж на шухере стоял,
Когда бы я у Таньки втихаря бы
Мобилу и компьютер проверял!»

Вот тут я, скромный автор, снова встряну,
Чтоб раз и навсегда вопрос закрыть —
Что даже и во сне, не только спьяну
Нельзя такие вещи говорить.

Напомню: я не Пушкин и не Шиллер,
И в лирике вообще ни в зуб ногой,
Тут целый у меня шпионский триллер
Заместо песни вышел сам собой.

И, кстати, план когда-то был у Женьки —
С искусством подружиться, не дремать, —
Бюджет пилить, а, если коротенько, —
Блокбастеры по триллерам снимать.

И что теперь? Измена и засада,
Где Танька рулит, чёртово жульё!
Всем Скотланд-Ярдам, Абверу, Моссаду,
Всем ЦРУ – куда им до неё!

Как плесень, мб зги Женькины покрыла пелена,
Вокруг него такая паутина сплетена,
Что где, куда, какую ставил подпись, —
Запутался, забыл он. С Таньки – как с гуся вода, —
С гусыни – слёзы Женьки. Вы не правы, господа,
Когда вы над блондинками смеётесь!

В общем, Женька разделан, как рыба на блюде.
Джон в графическом виде рисует итог,
Общий куш на троих. «А повежливей будет! —
Танька ржёт, – ха-ха-ха!!» И грустит педагог.

Кстати, он наш земляк из эпохи застоя.
Он сперва отбивался: «Ни-ни, ни гу-гу!
Педагогика, музыка – это святое!
Как хотите, ребята, а я не могу!»

Джон ещё ухмыльнулся тогда: «Ты прекрасен!
Уважаю таких. Молодчина! Зачёт!
Шесть процентов – твои. Было пять. Ты согласен?»
И вздохнул педагог, и промямлил: «Идёт!»

Всё разыграно было решительно, твёрдо, —
Как по нотам, не зря же их людям дают!
Не какие-то там трень да брень, три аккорда,
А серьёзный такой, настоящий этюд!

20

Вперёд идущих, Боже упаси нас
Не знать своих истоков и начал.
У Женьки был один серьёзный минус:
Он Пушкина почти что не читал.

Вы спросите меня: при чём тут Пушкин,
Онегин, Ольга, вся их суета?
При том, что жизнь стучит по черепушке
Тому, кто знать не хочет ни черта.

Онегину когда на самом деле
Без всякой там туфты пришла хана?
Когда он друга грохнул на дуэли —
Нормального, по сути, пацана.

Он, вроде бы, не конченный подлюка,
И не злодей кровавый, не упырь,
Но он любовь и дружбу профуфукал
И сам себя подвёл под монастырь.

Так как же нам, по совести и чести,
Назвать его, в какой вписать ранжир?
Он конь в пальто? Бугор на ровном месте?
Предатель, тунядец, дебошир?

Мираж, фантом, малюсенькая кочка,
Поросший мхом замшелый серый пенёк?
Вокруг пустого места оболочка?
Какая-то иная хренотень?

Коней в пальто в природе не бывает,
И, значит, он уже не конь в пальто,
И тут вопрос резонный возникает:
Он кто, в конечном счёте? Да никто.

А почему так вышло? Потому что в старину
Буржуазия внаглую дербанила казну,
И до сих пор в пуху у ней всё рыло.
На шару, на халяву ей – одёжа, скарб и снесь,
Я так скажу, ребята, что халява – это смерть,
Она и Женьку нашего сгубила.

Он из Лондона прибыл, небритый, сутулый,
Он теперь здесь, у нас свои грядки скребёт,
Он в Заречье живёт, на окраине Тулы,
Я работать его пригласил на завод.

Я директором стал, как-то так оно вышло,
Я сказал: «В тех. отдел, например, приходи.
Если мозг из башки твоей время не выжгло,
То чего там? Дерзай! Только в оба гляди.

Игорёк Шепетовский у нас там начальник,
Если что, он отвесит таких звездюдей,
Так за милую душу начистит хлебальник,
Что душе станет тошно. Но ты не робей.

Вычисляй в чугуна фосфор, марганец, серу,
Напрягай организм изо всех своих сил —
Засыпной аппарат изучи, для примеру».
И Женёк отказался: «Я всё позабыл».

21

А что же Вовка? Да примерно то же,
Такая же история почти.
Мусолить здесь её – себе дороже.
Кто дочитал досюдова – прости.

Читатель – он вообще не очень склонен
Терять в простом сюжете стержень, суть,
Он хочет с книжкой в тапках на балконе
Сидеть, жевать, курить и в ус не дуть.

И ладно, жуй себе. А что? Нормально.
Но я про Вовку кое-что скажу:
Мудила он, конечно, капитальный,
Хотя и до сих пор я с ним дружу.

Он, если вкратце, всё-таки поднялся
С тех пор, как его Женька бортанул, —
Не загулял, не запил, не сломался,

Не бил в набат: спасайте, караул!

А дальше – ровно то же, что у Женьки:
Суды-муды, развод, прощай, семья!
Такая же дележка, те же деньги,
И даже, вон, та самая судья.

Мне фотку её факсом Вовка скинул.
Он некий в голове имел пробел —
Он сунуть ей хотел серьёзный стимул
В конверте. И за это чуть не сел.

Она на этот раз была значительно мрачней:
«Любовь мертва. Аминь! И я не буду больше в ней
Копаться, как паталогоанатом!»
Она взяла и отписала Ольге всё, чего могла —
Всё, что у Вовки было, вот такие вот дела.
Эх, жаль, ребята, не было меня там!

Он пришёл на завод к нам, как после наркоза,
Будто все эти годы проспал крепким сном.
А теперь он у нас – машинист тепловоза,
Он по рельсам тягает ковши с чугуном.

Девяностые кончились. Жалко. А то бы
Быть бы Вовке министром железных дорог,
Мы б собрали денег и сказали бы: «Пробуй!»
Он бы с топливом нам, с запчастями помог!

Лондон, Женька, развод, – был период тяжёлый,
Но теперь-то он стал человеком опять:
Он с приёмщицей грузов Тamarкой Чижовой
Ходит в лес по субботам грибы собирать.

Знаю я: Вовка будет начальником цеха —
Не того, так другого, – он жить не устал!
Женьки нету, хоть он к нам в район переехал.
Вовка есть. Он на бабки ребят не кидал.

22

Мы как-то пиво пили: «Вовка, вспомни
Танюху, Женьку!» «Нет уж, – был ответ, —
Не потому, что это тяжело мне,
А потому, что темы просто нет.

Ведь я тогда не то, чтоб кверху лапки,

«Эй, расслабься! – мне Вовка сигналит, – чего ты?
Лучше б пива ещё нам обоим налил!»

23

С героями моими расставаться
Не хочется, но надо. Час настал.
Пора бы мне, ребята, закругляться,
И так я тут немало накатал.

Всё отнятое Ольгою у Вовки
Она вложила, дура, в некий фонд,
Где вскоре, по её формулировке,
Какой-то там дефолт или дисконт

Ударил, гад, в режиме беспредела
По сумме вкладов. Он их обнулил.
Короче, всем обратка прилетела,
И даже педагог, вон, получил

Свой срок в тюрьге, хоть, по всем расчётам,
Был должен лютой кары избежать,
Но это не учить Танюху нотам
И даже не на клавишах играть.

Бедняга Джон повесился в сортире.
Друзья, чего ещё мне вам сказать?
Того, что дважды два всегда четыре,
А пятью пять, хоть тресни, двадцать пять.

И если кто, завистливый и злющий,
Капкан готовить ближнему горазд,
Его судьба раздавит и расплющит,
И соскочить по-тихому не даст.

Вот и городит Женька свой унылый огород.
Танюха в дурке, в Англии уже который год
От психики оправиться не может,
А Олька в вечный транс от фонда этого вошла,
Всё жалобы строчит в прокуратуру: бла-бла-бла!
Пять лет её колбасит и корёжит!

Мне на это глядеть как-то грустно, ребята:
Было всё у людей – деньги, дружба, любовь,
И какой-то микроб изнутри хреноватый
Схавал душу у них. Что сказать? Нету слов.

Хорошо хоть, Вован своё доброе имя
Сохранил, отстоял. Он хитёр, как лиса, —
Уцелел в этой рубке своих со своими
И вернулся домой. Всё же есть чудеса!

Много мест на Земле, все объехать едва ли
Нам дадут, да и на хрен их все объезжать?
Надо меньше смотреть в эти светлые дали
И родным нашим воздухом глубже дышать!

Он полезен и сладок, как мёд при простуде,
Так глотай же его, чтоб кружилась башка,
И не просто живи, а с мечтою о чуде,
Будет лучше, я знаю, а хуже не будет,
Будь здоров, мой читатель. До встречи. Пока.

2017

«Коромыслом нынче дым...»

Т. К.

Коромыслом нынче дым
У соседей за стеной.
Посидим, поговорим —
Ты да я, да мы с тобой.

В кровь изранена душа,
Что ни день – то новый бой.
На ночь глядя, не спеша
Чай заварим мы с тобой.

Пусть матёрые скоты
Нам мычат за упокой.
Друг за другом я и ты —
Как за каменной стеной.

Вот и спятила страна,
Потеряла стыд и ум.
Ночь за окнами черна.
Месяц бледен и угрюм.

Поумнел бы я, притих,
Со своими встал бы в строй,
Но всего-то нас своих —
Ты да я, да мы с тобой.

...Дом вздыхает, старый дед,
Тени пляшут на стекле,
Мы с тобой погасим свет,
Мы одни на всей земле...

1984

«Скучно ей, одиноко жить в рыбацком посёлке...»

Скучно ей, одиноко жить в рыбацком посёлке
На отшибе у моря, хоть кричи «Караул!».
Но однажды с прогулки, с городской барахолки
Развесёлый матросик в гости к ней завернул.

В шарфе клетчатом
Ходит кречетом,
Луком репчатым
Закусил.
Выпил стопочку,
Шкалик, соточку,
Бьёт чечёточку,
Что есть сил.

Вот уже и объятья, стол от смеха трясётся.
А она всё мечтает, втихомолку скуля,
Как под парусом алым к ней навстречу несётся
Молодой и красивый капитан корабля.

А он с ухмылкой
Над бутылкой
Тычет вилкой
Мимо рта.
Лезет, тянется:
«Со свиданьем!»
Он останется
До утра.

Поллитровка допита до конца, без остатка,
А на сердце – ненастье, а в душе – холода.
И матрос развесёлый спит в стороночке сладко.
Он с рассветом проснётся. Он уйдёт навсегда.

Ох, до хруста ей
Рвут без устали
Душу грустные
Голоса
Ветра шалого.
Счастья мало ей,
Где вы, алые
Паруса?
Где вы, алые
Паруса?..

2007

«Я вернулся в этот двор...»

Я вернулся в этот двор
Всем ветрам наперекор
И стою, соображаю,
Под какой упасть забор.

Клёны листья растеряли,
Старый дом угрюм, уныл:
«Мы тебя так долго ждали,
Только ты не приходил».

Поперечный-встречный пёс
От меня воротит нос,
Карусели окосели,
Вороньё пошло вразнос.

Дядя Гриша с тётей Грушей
Над закусками галдят,
На балконе бьют баклуши,
Сквозь меня во тьму глядят.

Холод, хмарь – хоть встань, хоть сядь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.